

ГЕННАДИЙ АЙГИ

Арион. Журнал поэзии. 2007, № 3 (55). М. – С. 93-94.

Прошло уже полтора года со дня смерти большого русского поэта Геннадия Айги. Он умер 21 февраля 2006 года, а родился в ночь с 21 на 22 августа, ему была присвоена официальная дата рождения 22-е, а он настаивал всегда на 21-м – как будто в его предвидении и циклическом мышлении заранее сливался день рождения и день смерти. Эта магия причастности звучит во всех текстах Айги: от самых ранних – конца 50-х – до последних, которые и предоставляются вниманию читателя.

Айги умер, но вокруг его имени поднимаются те же вопросы, что и при жизни: авангард это или не авангард, в чём секрет переводимости поэзии Айги и необычайной популярности её на Западе (вплоть до нобелевской номинации), в то время как русский широкий читатель остается в неведении о том, что в нашей литературе было то, что в XX веке называлось «великим поэтом», а теперь обсуждается сам вопрос – существуют ли великие поэты. Справедливости ради нужно сказать, что самый известный из живущих французский философ Ален Бадью, составляя список из шести мировых поэтов, более всего повлиявших на развитие философии и поэзии (этот список начинается Гёльдерлином, а заканчивается Целаном, из русской поэзии присутствует только Мандельштам), делает оговорку, что, несмотря на то, что «век поэтов», по его мнению, закончился, к этому списку необходимо добавить Геннадия Айги.

Айги часто называли верлибристом, пытаясь вписать его стих в общепринятые рамки. Тем не менее с точки зрения стихосложения стих Айги представляет собой то, что можно охарактеризовать как полиметрию: абсолютное большин-

93

ство строк написаны силлаботоническими размерами, но сочетание их и комбинации изначально свободны, будучи подчинены более сложному ритму. Интересно, что поколение молодых поэтов, вступивших в литературу уже в 2000-е годы, пытается развить сходный тип стиха.

Публикуемые тексты представляют собой реконструкцию рукописных архивов Айги, над которыми мы работаем вместе с московской поэтессой Татьяной Грауз. Дело в том, что хотя у нас Айги начал печататься достаточно поздно, но всё же все его законченные стихотворения (беловики) не раз были напечатаны при жизни либо в России, либо за рубежом. В нашем распоряжении огромное количество записей более или менее отрывочных или стихотворений, имеющих несколько вариантов с большим количеством исправлений. При реконструкции приходится не только останавливаться на одном варианте, но и обязательно восстанавливать дату (стихотворение поэта не пишется, а происходит) и заглавие. Своё стихотворение Айги сравнивал с крестьянским

домом, в котором обязательно должна быть крыша-заглавие, поэтому если заглавие не удаётся восстановить, то стихотворение так и называется «Без названия».

Для позднего Айги характерен особый вид простоты – это некое замедление и припоминание, особенная полнота простоты: в стихотворении «Сад – к осени» знак равенства не декоративный приём, а теологическое утверждение равенства части и целого.

Несмотря на то, что все неопубликованные тексты существуют только в рукописном виде, нашей задачей было максимально точное воссоздание зрительного облика стиха. Значимость графики, когда пробелы и расположение текста на странице приближаются по значению к непосредственно сказанному, помещают стихотворение в то особенное пространство, которое можно назвать «покоящимся движением». На существование в этом пространстве и на чтение в этом ритме необходимо настроиться.

Айги 2000-х обретает особую афористичность, ту афористичность, на которой сам поэт не настаивает, даёт в скобках, а тем не менее, на следующее утро просыпаешься именно с этим замечанием в скобках – *(как это «с Богом» бывает)*.